

оригинальная статья

УДК 159.9+37.015.3

Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19

Михаил Сергеевич Яницкий

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>;
direktorspi@kemsu.ru

Андрей Викторович Серый

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Ольга Артуровна Браун

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>

Роман Олегович Балабашук

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0001-9034-3274>

Поступила в редакцию 27.05.2021. Принята в печать 17.06.2021.

Аннотация: Образ мира, представляющий собой совокупность пространственно-временных и ценностно-смысловых хронотопических компонентов, рассматривается в качестве функциональной системы психологической адаптации к непрерывному изменению жизненного мира человека. Моделью резких и выраженных изменений жизненного мира и образа жизни человека является распространение пандемии COVID-19. Цель – выявить хронотопические характеристики образа мира в данной кризисной ситуации. Исследование на выборке в 92 человека проводилось дважды – до начала распространения пандемии и в период максимальных противоэпидемических ограничений. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в условиях пандемии COVID-19 происходит трансформация структуры образа мира человека, выражающаяся в изменении направленности идентификационных характеристик личности, в определенной переориентации – с национальной и гражданской идентичности на общечеловеческую, а также в повышении значимости семейно-ролевых компонентов образа Я. Временная перспектива личности в отношении своего прошлого субъективно расширяется, в отношении будущего, напротив, сокращается. Эмоциональная окраска настоящего становится более негативной, прошлого – позитивной, будущего – умеренно оптимистичной. При этом все три временных модуса начинают представляться более событийно наполненными. Данные процессы наблюдаются на фоне поляризации ценностных предпочтений, которая заключается в сокращении доли ориентирующихся на ценности среднего уровня за счет увеличения числа направленных на низшие либо высшие ценности. Уровень осмысленности жизни в данной ситуации демонстрирует разнонаправленный характер динамики, что свидетельствует о существовании различных механизмов совладания с данной кризисной ситуацией, имеющих разный уровень продуктивности. Сделан вывод, что ситуация пандемии COVID-19 обуславливает перестройку всех компонентов образа мира человека, которая в целом носит мобилизующий и продуктивный характер.

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, ценностные ориентации, личностные смыслы, ситуация COVID-19

Цитирование: Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Балабашук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 466–476. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-466-476>

Введение

Образ мира как психологический феномен в содержательном плане раскрывается с использованием понятия *хронотоп*, заключающего в себе основные параметры континуума, в котором протекает жизнь человека. В понимании А. А. Ухтомского, хронотоп – это своего рода «спайка» пространства и времени, «закономерная связь пространственно-временных координат» [1, с. 347]. Вместе с тем, как справедливо отмечает В. П. Зинченко, наряду с пространством и временем в хронотопе человека представлены смысловые и ценностные аспекты сознания, которые он называет ценностно-смысловым измерением [2]. В этой связи образ мира рассматривается сегодня как сложное образование, включающее в себя как пространственно-

временные, так и ценностно-смысловые компоненты, выступающие его хронотопическими измерениями. В предложенной нами структурно-содержательной модели образа мира человека [3] в качестве пространственной характеристики мы рассматриваем упорядоченную иерархию его субидентичностей в основных сферах жизнедеятельности. Временными характеристиками образа мира выступают временная перспектива личности как совокупность представлений человека о своем прошлом, настоящем и будущем и отношений к этим временным локусам, восприятие активности, эмоциональной окраски, наполненности времени и т. д. Ценностно-смысловыми характеристиками образа мира в нашей модели являются ценностные ориентации

личности, их осознание, внутреннее принятие и степень фактической реализации, осмысленность жизни и ее конкретных временных локусов – прошлого, настоящего и будущего, которые определяют актуальное смысловое состояние личности.

В функциональном плане образ мира представляет собой систему, трансформирующуюся в ответ на изменение объективного мира, в котором происходит жизнеосуществление человека. Трансформация содержательных компонентов образа мира играет роль приспособительной реакции на изменение окружающей действительности и, соответственно, выполняет функцию механизма, позволяющего сохранить устойчивость по отношению к меняющемуся миру, адаптироваться к изменению условий жизни [4]. Тем самым образ мира выступает в качестве особой функциональной системы психологической адаптации к непрерывному изменению жизненного мира человека.

Вполне логично, что понятие хронотопа используется для объяснения поведения человека как системы, реагирующей на изменение окружающей действительности. Упомянутая в этом контексте о выборе стратегии поведения, Е. С. Фоминых и И. А. Шаповал указывают, что он «происходит в рамках его хронотопа, конструируемого и реконструируемого им пространственно-временно-смыслового контекста его жизни, сеткой координат которого служит система границ множественного Я» [5, с. 34]. Важным свойством хронотопа в этом ключе выступает гетерохронность, понимаемая как рассогласованность между временем и пространством, либо разорванность времени и пространства, постоянно побуждающая к гармонизации хронотопа. По Т. Д. Марцинковской, такая гетерохронность, «как любое нарушение гомеостаза, повышает интенциональность, задает направление развития» [6]. Е. С. Фоминых и И. А. Шаповал в аналогичном контексте пишут о хронотопировании – механизме самоорганизации личности путем пространственно-временного упорядочивания ее образа мира, который включается при возникновении внешних и внутренних препятствий, и «представляет собой деконструкции и реконструкции хронотопа и границ Я: утрату части имевшихся элементов, переоценку и переосмысление оставшихся, появление новых эмерджентных качеств, перестройку внутри матрицы хронотопа образующих ее пространственных и временных конструкторов и границ между ними» [5, с. 34]. Результатом такого хронотопирования является подтверждение старого смысла жизни либо его разрушение и рождение смысла нового.

Как пишет В. П. Зинченко, можно привести множество примеров открывающего смысл «хронотопического изменения бытия-сознания» при выраженном изменении жизненной ситуации – «это точки кризисов, переломов и катастроф, когда миг по своему значению приравнивается к миллиарду лет, т. е. утрачивает временную ограниченность» [7, с. 29]. С другой стороны, изменение хронотопа в подобной ситуации может выражаться и потерей смысла

существования, и тогда, по мнению А. А. Остапенко, напротив, «настоящее сжимается, хронотоп уменьшается». Описывая такую модель исчезновения хронотопа и содержательного времени при утрате смыслов, автор констатирует, что в итоге «хронотоп сжимается до нуля и превращается в "миг между прошлым и будущим"» [8, с. 5]. Очевидно, при резком изменении действительности вследствие острого травматического события, такого как смерть близких, природная или техногенная катастрофа, война, эпидемия и т. п., трансформация хронотопических характеристик образа мира может оказаться неадаптивной. Как отмечает в этой связи Б. М. Мастеров, в состоянии выраженного посттравматического стресса в большинстве случаев наблюдается «сломанный» хронотоп, который проявляется полным разрывом между прошлым и настоящим, а также отсутствием будущего [9]. В свою очередь, смысловые характеристики могут выступать детерминантами переживания жизненной ситуации. Так, в постнеклассической психологии итоговая позитивность либо негативность экстремальной ситуации обоснованно связывается со смыслом, который придает ей человек, находящийся в ней [10]. Таким образом, продуктивность либо деструктивность респондентного изменения составляющих образа мира будет определяться субъективным смыслом возникшей ситуации.

Новой и необычной для человека является ситуация, связанная с распространением пандемии COVID-19. Используя термин *ситуация* в данном контексте, мы понимаем под ней всю совокупность новых условий жизнеосуществления человека, выходящих за рамки привычного опыта и выступающих факторами трансформации его жизненного мира. По мнению Н. В. Гришиной, пандемия коронавируса может быть названа экзистенциальным кризисом, который обусловлен нарушением психологических границ персонального пространства и пространства социального бытия, разрушением привычного жизненного мира и невозможностью реализовать свои жизненные замыслы в навязанных условиях [11]. Эта ситуация проявляется вынужденным изменением образа жизни при противоэпидемических мероприятиях – резким ограничением круга «живого» общения, необходимостью длительного пребывания в ограниченном пространстве, существенным изменением характера и режима деятельности и т. п. Выраженным психогенным фактором является опасение заразиться, ощущение незащищенности, страх за свою жизнь и жизнь близких. Согласно О. П. Цариценцевой и М. М. Елфимовой, данная кризисная ситуация субъективно переживается как «неподконтрольная, сопровождающаяся ощущением угрозы, пессимистичная, неразрешимая, трудная, публичная, тупиковая, иррациональная и непонятная» [12, с. 193]. Закономерно, что она сопровождается резким ростом тревожности: «результаты исследований подтверждают, что ключевой психологический феномен пандемии – тревога, объясняемая, как правило, ситуацией неопределенности и невозможности прогноза будущего или общим

стрессом в связи с риском заражения, негативных социальных последствий и изменением образа жизни» [13, с. 72]. К числу других психологических последствий переживания описываемой кризисной ситуации относят, прежде всего, те или иные психопатологические проявления – различные фобии, нарушения сна, депрессивные и психосоматические расстройства и т. д. [14]. Эти и подобные последствия закономерно привлекают наибольшее внимание специалистов в области психологии, поскольку являются наиболее острыми и требующими неотложного вмешательства.

Очевидно, что описанное изменение образа жизни должно проявляться и в трансформации образа мира, его пространственных, временных и ценностно-смысловых характеристик, которая может оказать негативное влияние на эффективность конструирования будущего и продуктивность дальнейшего жизнеосуществления. Рядом авторов в этой связи исследуется взаимосвязь между переживанием ситуации пандемии COVID-19 и особенностями ценностно-смысловой сферы личности, при этом отношения между этими феноменами рассматриваются фактически как односторонние – направленность доминирующих ценностей и субъективный смысл данной ситуации понимаются в качестве психологических детерминант отношения к пандемии и накладываемым ей ограничениям [15; 16]. В отдельных публикациях анализируется влияние переживания описываемой ситуации на пространственно-временные и ценностно-смысловые характеристики. Н. А. Купина связывает возникновение тревоги при самоизоляции с «продленным настоящим», не имеющим границ [17]. Согласно результатам исследования И. О. Логиновой, для жизненного мира человека в ситуации пандемии COVID-19 характерно доминирование временного модуса *прошлое – настоящее*, а также отсутствующее или ситуативное рефлексивное отношение к собственной жизни [18]. Е. В. Федосенко описывает психологическое состояние человека в условиях пандемии через призму его обусловленности изменениями социального пространства, мировоззрения, ценностно-смысловых составляющих субъективной картины мира, которая, по его словам, в данной чрезвычайной ситуации ярко характеризуется рассогласованностью [19]. Однако в этих и других работах трансформация тех или иных компонентов образа мира в ситуации пандемии COVID-19 затрагивается лишь фрагментарно. В этой связи целью настоящего исследования является выявление особенностей всей совокупности пространственно-временных и ценностно-смысловых хронотопических характеристик образа мира в ситуации пандемии COVID-19.

Организация и методы исследования

Настоящее исследование базируется на теоретической модели хронотопических характеристик образа мира и методологии их оценки, разработанных и верифицированных нами ранее [3; 20]. В качестве конкретных психодиагностических методик использовались опросник

структуры идентичности, разработанный нами на основе теста «Двадцати утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда [21]; методика «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна [22]; методика «Семантический дифференциал времени» (СДВ) Л. И. Вассермана, Е. А. Трифоновой и К. Р. Червинской [23]; методика изучения ценностной структуры массового сознания, разработанная нами на основе методики Р. Инглхарта [24]; реконцептуализированный тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [24]. Для оценки достоверности групповых различий использовался U-критерий Манна-Уитни.

В исследовании приняли участие 92 студента 1–6 курсов очной формы обучения вузов г. Кемерово. Диагностика хронотопических характеристик образа мира проводилась дважды – до начала распространения пандемии COVID-19 (в январе 2020 г.) и в период максимальных противоэпидемических ограничений (в апреле-мае 2020 г.).

Результаты и обсуждение

На основании теоретического анализа проблемы исследования нами было выдвинуто предположение, что психологическим ответом на ситуацию пандемии COVID-19 является перестройка всех пространственно-временных и ценностно-смысловых хронотопических характеристик образа мира человека.

В качестве характеристики психологического пространства человека мы рассматриваем его идентичность, очерчивающую границы его субъективной территории через оценку значимости членства в различных социальных группах. По словам О. В. Лукьянова, идентичность личности представляет собой системную характеристику, определяющую способность человека удерживать непрерывность и устойчивость своего Я в ситуации возникающего разрыва между образом жизни и образом мира [25, с. 59]. Как пишет в аналогичном ключе Т. Д. Марцинковская, «гармонизация хронотопа может рассматриваться и как гармонизация идентичности, ... и как обретение целостной идентичности» [6]. Закономерно, что результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в условиях пандемии COVID-19 происходит определенная трансформация структуры идентичности (табл. 1). Как видно из приведенных данных, в рассматриваемой ситуации заметно снижается ранг социально-ролевых, национальных и гражданских оснований идентичности и возрастает значимость мировоззренческих, семейно-ролевых и коммуникативных компонентов образа Я. Статистически значимая ротация национальной идентичности на общечеловеческую отражает, очевидно, представление о глобальном характере угрозы пандемии, не имеющей национальных и государственных границ. Одновременно семья в этой ситуации, вероятно, рассматривается как «последний бастион», обеспечивающий защиту и безопасность и / или требующий их обеспечения, что повышает

Табл. 1. Результаты теста структуры идентичности до и во время пандемии

Tab. 1. Results of the identity structure test before and during the pandemic

Компоненты структуры идентичности	Средний ранг		U-критерий	p
	До пандемии	Во время пандемии		
Я как профессионал (будущий профессионал)	4,18	4,13	871	0,94
Я как студент	6,70	7,48	793,5	0,44
Я как мужчина / женщина	4,64	5,26	791,5	0,55
Я как сын / дочь	5,32	4,75	745,5	0,23
Я как муж / жена (будущий муж / жена)	7,64	6,78	754	0,26
Я как уникальная личность	3,36	3,15	837	0,70
Я как представитель своего народа	9,43	10,85	636	0,03
Я как гражданин своей страны	9,84	10,55	777,5	0,36
Я как житель данного города	10,00	10,70	772	0,34
Я как отец / мать (будущий отец / мать)	8,73	8,05	781,5	0,38
Я как представитель молодежи	8,66	9,68	743	0,22
Я как член неформальной группы	11,95	12,05	856,5	0,84
Я как друг / подруга	6,98	5,78	733,5	0,19
Я как последователь своей религии	13,16	13,15	845,5	0,76
Я как представитель вида Homo sapiens	12,11	10,20	657	0,05
Другое	13,27	13,43	866	0,90

Прим.: достоверные различия выделены полужирным шрифтом.

приоритетность соответствующих субидентичностей в иерархии. Увеличение субъективной значимости коммуникативной идентичности может объясняться теми же факторами или иметь дефицитарный характер, обусловленный вынужденным ограничением социальных контактов. В целом можно констатировать переструктурирование системы идентификационных характеристик в сторону увеличения значимости ресурсных видов идентичности.

К субъективным временным характеристикам образа мира мы относим, в частности, его хронологические рамки – протяженность временной перспективы личности. Результаты свидетельствуют о влиянии ситуации пандемии COVID-19 на протяженность временной перспективы личности в отношении своего прошлого и будущего (табл. 2). Так, доля респондентов, воспринимавших временной диапазон от одного дня до одного года как ближайшее, недавнее или отдаленное прошлое, в период пандемии заметно уменьшилась. С другой стороны, процент опрошенных, рассматривавших этот же интервал как свое среднесрочное и долгосрочное будущее, увеличился. То есть зона прошлого субъективно расширяется, отражая, вероятно, ощущение его большей событийной наполненности по сравнению с настоящим. Будущее, напротив, сокращается, как бы переносится на более ранний срок, т. е. субъективно приближается, что, по-видимому, соответствует «нетерпению» при ожидании окончания ситуации пандемии и связанных с ней рисков и ограничений. Следует отметить, что, по словам Т. А. Нестика, подавляющее большинство людей в принципе

планирует свою жизнь не дальше, чем на год [16]. Очевидно, высокая неопределенность в условиях пандемии приводит к еще большему сокращению осознаваемой временной перспективы в отношении своего будущего.

Табл. 2. Результаты методики «Индекс протяженности временной перспективы» в отношении своего прошлого и будущего до и во время пандемии, % респондентов

Tab. 2. Results of the method "Index of the length of time perspective" in the context of the past and the future before and during the pandemic, % of respondents

Вариант ответа	Прошлое		Будущее	
	До пандемии	Во время пандемии	До пандемии	Во время пандемии
	Ближайшее прошлое		Ближайшее будущее	
1 день	2,9	6,5	–	2,1
1 неделя	11,4	6,5	11,1	10,6
2 недели	5,7	2,2	2,8	4,3
1 месяц	17,1	28,3	13,9	19,2
3 месяца	17,1	6,5	5,6	19,2
6 месяцев	11,4	6,5	19,4	12,8
9 месяцев	8,6	8,7	2,8	–
1 год	20,0	19,6	36,1	21,3

Вариант ответа	Прошлое		Будущее	
	До пандемии	Во время пандемии	До пандемии	Во время пандемии
3 года	5,7	13,0	2,8	6,4
5 лет	–	2,2	5,6	4,3
10 лет	–	–	–	–
15 лет	–	–	–	–
20 лет	–	–	–	–
25 лет	–	–	–	–
Более 25 лет	–	–	–	–
	Относительно недавнее прошлое		Будущее в среднесрочной перспективе	
1 день	–	–	–	2,1
1 неделя	2,8	6,4	2,8	2,1
2 недели	2,8	2,1	2,8	4,3
1 месяц	25,0	8,5	13,9	6,4
3 месяца	22,2	17,0	11,1	4,3
6 месяцев	13,9	14,9	11,1	12,8
9 месяцев	–	2,1	–	–
1 год	22,2	21,3	13,9	25,5
3 года	8,3	21,3	27,8	21,3
5 лет	2,8	6,4	11,1	21,3
10 лет	–	–	5,6	–
15 лет	–	–	–	–
20 лет	–	–	–	–
25 лет	–	–	–	–
Более 25 лет	–	–	–	–
	Отдаленное прошлое		Долгосрочное будущее	
1 день	–	–	–	–
1 неделя	2,8	–	–	–
2 недели	–	–	–	–
1 месяц	2,8	–	2,8	–
3 месяца	–	–	–	2,1
6 месяцев	2,8	–	2,8	–
9 месяцев	–	–	–	2,1
1 год	13,9	12,8	8,3	17,0
3 года	22,2	4,3	25,0	8,5
5 лет	41,7	34,0	30,6	23,4
10 лет	11,1	36,2	22,2	29,8
15 лет	–	8,5	5,6	8,5
20 лет	2,8	–	2,8	4,3
25 лет	–	2,1	–	2,1
Более 25 лет	–	2,1	–	2,1

В данном исследовании анализировалось также субъективное восприятие активности и эмоциональной окраски прошлого, настоящего и будущего (табл. 3). Образ настоящего в условиях пандемии претерпевает заметные изменения, становясь более тревожным, напряженным, пассивным, замедленным, печальным, тусклым и бесцветным. Метафорический образ прошлого трансформируется в прямо противоположном направлении, приобретая черты, отчетливо контрастирующие с настоящим, и в целом обретает выраженную ностальгическую окраску. Образ будущего становится несколько более негативным в плане эмоциональной окрашенности, но вместе с тем и менее тревожным, чем до пандемии, вероятно, отражая представление о том, что самое страшное уже случилось. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в условиях пандемии происходит изменение субъективного образа всех трех временных измерений. Отметим в этой связи, что Т. А. Нестик, отвечая на вопрос о способе сохранить свое психологическое здоровье в условиях самоизоляции, говорит о децентрации – рассмотрении ситуации пандемии «сквозь призму собственных прошлого, настоящего и будущего» [16]. Интересным является общее изменение восприятия плотности всех временных модусов – прежде всего прошлое, но и настоящее, и будущее в ситуации пандемии начинают представляться более насыщенными и наполненными событиями. Как пишет В. П. Зинченко, «лишенное событийности физическое время – это время распада, разложения. Оно не удерживается человеческой памятью, которая событийна, а не хронографична» [7, с. 31]. Соответственно, описанная трансформация временных характеристик образа мира в ситуации пандемии носит скорее мобилизующий и продуктивный характер.

Табл. 3. Результаты по методике «Семантический дифференциал времени» до и во время пандемии

Tab. 3. "Semantic time differential", before and during the pandemic

Характеристики времени	Средние баллы		U-критерий	P
	До пандемии	Во время пандемии		
<i>Настоящее</i>				
Активное	4,56	4,17	827,5	0,26
Напряженное	3,88	4,08	923	0,62
Радостное	4,61	4,19	762	0,07
Стремительное	4,29	3,94	877	0,38
Плотное	4,34	5,21	942	0,73
Яркое	4,61	4,21	814,5	0,16
Тревожное	3,61	3,98	831,5	0,21
Цветное	4,78	4,58	878	0,39
Постоянное	3,10	3,58	802	0,19
Светлое	4,41	4,46	962	0,86

Характеристики времени	Средние баллы		U- критерий	P
	До пандемии	Во время пандемии		
<i>Прошлое</i>				
Активное	4,05	4,54	875	0,29
Напряженное	4,50	4,00	846	0,19
Радостное	3,88	4,44	829,5	0,15
Стремительное	4,12	4,38	925,5	0,51
Плотное	3,81	4,50	769	0,05
Яркое	4,57	4,77	951	0,65
Тревожное	4,50	3,77	705	0,01
Цветное	4,38	4,63	935	0,55
Постоянное	3,26	3,00	935	0,56
Светлое	4,29	4,44	966	0,74
<i>Будущее</i>				
Активное	5,29	5,27	787	0,54
Напряженное	3,38	3,38	873	0,97
Радостное	5,23	5,04	746,5	0,19
Стремительное	4,97	4,89	807	0,43
Плотное	4,90	5,93	848	0,80
Яркое	5,28	5,11	767	0,25
Тревожное	3,03	2,84	818,5	0,60
Цветное	5,36	5,04	732	0,19
Постоянное	3,38	4,11	680	0,056
Светлое	5,13	5,30	861,5	0,76

Прим.: максимальный балл по характеристике – 6, минимальный – 1; достоверные различия выделены полужирным шрифтом.

Ценностные характеристики образа мира до и во время пандемии анализировались путем сравнения частоты доминирующей направленности на различные группы ценностей (табл. 4). Как указывают Н. В. Козлова и Ю. В. Овчинникова, ценностные ориентации трансформируются в кризисной ситуации, при изменении окружающей действительности, что в итоге приводит к видоизменению образа мира в целом [4, с. 96]. В нашем случае, как это видно из приведенных данных, в условиях пандемии фактически в два раза уменьшается число ориентирующихся на ценности социализации, определяющиеся значимостью межличностного взаимодействия, социального одобрения и общественного признания. Одновременно наблюдается рост доли ориентирующихся на ценности адаптации, связанные с потребностью в собственном выживании, либо на ценности индивидуализации, обусловленные направленностью на саморазвитие ради блага всех людей. С учетом того, что направленность на ценности адаптации, социализации и индивидуализации с известной долей условности соответствует разным уровням личностного развития,

описанное перераспределение отражает поляризацию ценностной структуры массового сознания, которая заключается в сокращении доли ориентирующихся на ценности среднего уровня за счет увеличения числа направленных на низшие либо высшие ценности. Полученные результаты согласуются с описанной нами ранее моделью развития системы ценностных ориентаций личности [26], по которой выбор вектора развития определяется разрешением противоречия между ориентацией на ценности более низкого или более высокого уровней, между направленностью на регресс либо на личностный рост, между описанными Э. Фроммом полярными стремлениями «иметь или быть», соответствующими, в его представлении, аномальному либо нормальному развитию.

Табл. 4. Результаты по методике ценностной структуры массового сознания до и во время пандемии, % респондентов

Tab. 4. Mass consciousness value structure, before and during the pandemic, % of respondents

Доминирующие ценности	До пандемии	Во время пандемии
Адаптации	28,2	33,3
Социализации	28,2	14,6
Индивидуализации	7,7	12,5
Промежуточный тип	35,9	39,6

Смысловые компоненты образа мира изучались посредством оценки уровня осмысленности жизни и ее отдельных временных локусов. В целом в ситуации пандемии COVID-19 происходит увеличение всех показателей осмысленности жизни, в первую очередь – уровня осмысленности настоящего. Однако обнаруженные различия не достигают уровня статистически значимых, возможно, вследствие разнонаправленности трансформации рассматриваемых смысловых характеристик. Как замечает В. В. Колпачников, условия, «осмысленные как "экстремальные", "сверх моих собственных возможностей", "непереносимые" и т. п., ...вызывают величайшее напряжение и стресс с вытекающими состояниями истощения, бессилия и невозможности что-либо сделать. Эти же самые обстоятельства, будучи осмыслены как сложные, но совладаемые, чувствуются и переносятся совершенно иначе, намного более спокойно и конструктивно» [27, с. 76]. Данное предположение подтверждается при анализе динамики частоты типов актуальных смысловых состояний (АСС), отличающихся различной продуктивностью, т. е. способностью извлекать смыслы из конкретной жизненной ситуации (табл. 5). В качестве критерия отнесения к продуктивному типу АСС рассматривается высокая осмысленность всех трех временных локусов, к частично продуктивному – осмысленность каких-либо двух локусов, к непродуктивному – осмысленность одного и менее локусов. Как следует из полученных результатов, доля продуктивных типов АСС до пандемии

составляла 39,5 %, во время пандемии – 33,3 %; частично продуктивных – 9,3 % и 18,8 % соответственно, непродуктивных – 51,2 % и 47,9 %. Таким образом, в условиях пандемии уровень осмысленности жизни может как повышаться, так и понижаться, что соответствует переориентации на высшие или низшие ценности, описанной выше. Это свидетельствует о существовании двух различных механизмов совладания с данной кризисной ситуацией, имеющих разный уровень системной организации и итоговой эффективности – как было показано нами ранее, при росте продуктивности АСС уровень функционирования механизмов интрапсихической адаптации снижается, а следствием увеличения непродуктивности АСС, напротив, является повышение напряженности различных психологических защит [28].

Табл. 5. Распределение типов актуальных смысловых состояний до и во время пандемии, % респондентов

Tab. 5. Distribution of types of the meaningful state before and during the pandemic, % of respondents

№	Тип актуального смыслового состояния			До пандемии	Во время пандемии
	Осмысленность прошлого (результат)	Осмысленность настоящего (процесс)	Осмысленность будущего (цели)		
1	Низкая	Низкая	Низкая	44,19	31,25
2	Высокая	Низкая	Низкая	–	–
3	Низкая	Высокая	Низкая	4,65	10,42
4	Высокая	Высокая	Низкая	2,33	6,25
5	Низкая	Низкая	Высокая	2,33	6,25
6	Высокая	Низкая	Высокая	6,98	4,17
7	Низкая	Высокая	Высокая	–	8,33
8	Высокая	Высокая	Высокая	39,53	33,33

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что ситуация пандемии COVID-19 обуславливает существенное изменение жизненного мира человека и, соответственно, его субъективного образа. Как справедливо отмечает Д. А. Леонтьев, мир, который дан человеку, «выходит за рамки актуального, того что окружает субъекта здесь и сейчас, он находится за рамками данной ситуации, за пределами перцептивного поля, он существует также в прошлом и в будущем» [29, с. 28]. В этой связи можно заключить, что новые и экстраординарные условия, определяющие жизнь человека в ситуации пандемии, оказывают надситуативное, генерализованное воздействие на образ мира человека, детерминируя трансформацию всех его пространственно-временных и ценностно-смысловых компонентов.

Заключение

Образ мира человека выступает целостной функциональной системой, обеспечивающей адаптацию к сложной жизненной ситуации посредством ответного изменения пространственно-временных и ценностно-смысловых хромотопических характеристик. Новой и недостаточно изученной кризисной ситуацией, связанной с резким изменением жизненного мира и образа жизни человека, является распространение пандемии COVID-19. Мы предположили, что психологическим ответом на данную ситуацию будет являться перестройка всех хромотопических характеристик образа мира.

В условиях пандемии COVID-19 происходит трансформация как пространственно-временных, так и ценностно-смысловых компонентов образа мира человека. В рассматриваемой ситуации снижается значимость национальных и гражданских оснований идентичности и возрастает роль общечеловеческих и семейно-ролевых элементов образа Я, выступающих характеристиками субъективного пространства человека.

В ситуации пандемии изменяется протяженность временной перспективы личности – зона прошлого субъективно расширяется, а будущего, напротив, сокращается. Вместе с этим происходит и изменение субъективного восприятия активности и эмоциональной окраски всех временных модусов: образ настоящего становится более пассивным и негативно окрашенным; образ прошлого трансформируется в обратном направлении; образ будущего занимает как бы промежуточное положение, отражая умеренный оптимизм. При этом и прошлое, и настоящее, и будущее начинают представляться более насыщенными и наполненными событиями.

Трансформация системы ценностных ориентаций личности в ситуации пандемии носит вариативный характер и заключается в сокращении доли ориентирующихся на средние по своему уровню развития ценности социализации за счет увеличения числа направленных на низшие ценности адаптации либо на высшие ценности индивидуализации. В ситуации пандемии COVID-19 происходит разнонаправленное изменение показателей осмысленности жизни, отражающих существование различных смысловых механизмов совладания с данной кризисной ситуацией, имеющих разный уровень продуктивности.

С учетом тесной взаимообусловленности всех названных компонентов можно заключить, что ситуация пандемии COVID-19 вызывает системный ответ со стороны образа мира, заключающийся в целостной перестройке всех его компонентов. Это позволяет уточнить представление об образе мира как о функциональной системе динамической регуляции жизнедеятельности, обеспечивающей психологическую адаптацию при изменении жизненного мира человека и совладание со сложной жизненной ситуацией.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
2. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
3. Яницкий М. С., Серый А. В., Балабашук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира студентов вуза // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2019 г.) СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. Вып. 2. С. 851–859.
4. Козлова Н. В., Овчинникова Ю. В. Особенности образа мира личности на разных этапах личностно-профессионального становления // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 96–112. DOI: 10.17223/17267080/62/8
5. Фоминых Е. С., Шаповал И. А. Трансформации хронотопа и границ личности как диспозиции деструктивности выбора: между возможностью и закономерностью // Психология и психотехника. 2017. № 4. С. 23–36. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486
6. Марцинковская Т. Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1448-martsinkovskaya54.html> (дата обращения: 26.05.2021).
7. Зинченко В. П. Человек в пространстве времен // Развитие личности. 2002. № 3. С. 23–50.
8. Остапенко А. А. Хронотоп как перекресток прошлого и будущего, настоящего и... «понарошечного» // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 2–6.
9. Мастеров Б. М. Хронотоп травмы и пути социально-психологической реабилитации // Беслан. 5 лет вместе: сб. мат-лов специалистов, работавших в Беслане / отв. ред. А. В. Печников. М.: РПК «Агава», 2009. С. 43–52.
10. Яницкий М. С., Серый А. В. Трансформация представлений об экстремальной ситуации в постнеклассической психологии // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 120–124.
11. Гришина Н. В. Экзистенциальный оптимизм и экзистенциальный пессимизм. Выбор за нами // 14-й Санкт-Петербургский Саммит психологов. (Санкт-Петербург, 31 мая – 3 июня 2020 г.) Режим доступа <https://psy.su/feed/8315/> (дата обращения: 26.05.2021).
12. Цариценцева О. П., Елфимова М. М. Особенности переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в контексте жизнестойкости личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 191–201. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201
13. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89. DOI: 10.17759/cpr.2020280204
14. Ениколопов С. Н., Бойко О. М., Медведева Т. И., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 108–126. DOI: 10.17759/psyedu.2020120207
15. Кудинов С. И., Кудинов С. С., Кудинов В. С. Особенности отношения к режиму самоизоляции в период пандемии у студентов с разными показателями ответственности и ценностных ориентаций // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 174–182. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182
16. Пензина А. Как COVID-19 меняет образ будущего // В мире науки. 2020. № 4-5. С. 24–31.
17. Купина Н. А. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. № 3. С. 5–13. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.3.044
18. Логинова И. О. Особенности устойчивости жизненного мира людей в период пандемии COVID-19 // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2020. № 2. С. 183–196. DOI: 10.25146/1995-0861-2020-52-2-211
19. Федосенко Е. В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме: мат-лы XXV Междунар. симпозиума. (Москва, 15–16 апреля 2020 г.) М.: Психологический институт РАО, 2020. С. 34–47. DOI: 10.24411/9999-042A-2020-00040
20. Балабашук Р. О., Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Маслова О. В., Микляева А. В., Терещенко В. В., Филенко И. А., Санжаева Р. Д., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В. Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 714–726. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-714-726

21. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 131–140. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140
22. Нестик Т. А. Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: ИП РАН, 2011. 293 с.
23. Вассерман Л. И., Трифонова Е. А., Червинская К. Р. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии. СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009. 43 с.
24. Яницкий М. С., Серый А. В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности. Новокузнецк: МАОУ ИПК, 2010. 102 с.
25. Лукьянов О. В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 2. С. 46–63.
26. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
27. Колпачников В. В. Личностный смысл экстремальных условий как детерминанта совладания с ними // Личность в экстремальных условиях: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. Ч. 2. С. 74–83.
28. Серый А. В., Карась Д. В. Уровень напряженности защитных механизмов личности в зависимости от типа актуального смыслового состояния // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 29–34.
29. Леонтьев Д. А. Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 25–34. DOI: 10.17759/chp.2019150103

original article

Chronotopic Characteristics of the Image of the World during the COVID-19 Pandemic

Mikhail S. Yanitskiy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>; direktorspi@kemsu.ru

Olga A. Braun

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>

Andrey V. Seryy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Roman O. Balabashchuk

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0001-9034-3274>

Received 27 May 2021. Accepted 17 Jun 2021.

Abstract: The image of the world is a set of space-temporal and value-semantic chronotopic components. It is a functional system of psychological adaptation to the constant changes in the human lifeworld. The COVID-19 pandemic is a model of severe changes in lifeworld and lifestyle. The research objective was to identify the chronotopic characteristics of the image of the world in a crisis. The study was conducted twice, i.e. before the outbreak and during the period of maximum restrictions, and featured 92 people. The COVID-19 pandemic transformed the structure of the image of the world. The changes occurred in the orientation of the identification of one's characteristics, followed by a certain reorientation of these characteristics from the national and civil identity to the human one. The family-role components of the self-image became more significant. The past perspective expanded, while the future perspective shrank. The emotional coloring of the present became more negative, the past was seen as positive, while the future appeared moderately optimistic. All three time modes proved to be more event-filled. These processes were observed against the background of the polarization of value preferences. The level of meaningfulness of life showed multidirectional dynamics, probably, as a result of different crisis-coping mechanisms with different levels of productivity. The pandemic restructured all components of the image of the world, which had a mobilizing and productive character.

Keywords: chronotope, time, space, value orientations, personal meanings, COVID-19

Citation: Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Balabashchuk R. O. Chronotopic Characteristics of the Image of the World during the COVID-19 Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 466–476. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-466-476>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Ukhtomskii A. A. *Dominant*. St. Petersburg: Piter, 2002, 448. (In Russ.)
2. Zinchenko V. P. Values in consciousness structure. *Voprosy filosofii*, 2011, (8): 85–97. (In Russ.)
3. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Balabashchuk R. O. Chronotopical features of the university students' image of the world. *Herzen's readings: psychological research in education: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, 9–10 Oct 2019. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2019, iss. 2, 851–859. (In Russ.)
4. Kozlova N. V., Ovchinnikova Yu. V. Special features of a world image on the process of personal and professional formation. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2016, (62): 96–112. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/62/8
5. Fominykh E. S., Shapoval I. A. Transformations of chronotope and personality borders as the disposition of destructiveness choice: between possibilities and objective laws. *Psychology and Psychotechnics*, 2017, (4): 23–36. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486
6. Martsinkovskaya T. D. Internal form of psychological hronotope: approaches to the problem. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2017, 10(54). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1448-martsinkovskaya54.html> (accessed 26 May 2021). (In Russ.)
7. Zinchenko V. P. Human in the space of time. *Razvitie lichnosti*, 2002, (3): 23–50. (In Russ.)
8. Ostapenko A. A. Chronotopos as the intersection of past and future, present and... "a make-beliefs". *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2010, (1): 2–6. (In Russ.)
9. Masterov B. M. Chronotope of trauma and ways of socio-psychological rehabilitation. *Beslan. 5 years together: Proc. specialists who worked in Beslan*, ed. Pechnikov A. V. Moscow: RPK "Agava", 2009, 43–52. (In Russ.)
10. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Transformation of ideas of the extreme situation in post-nonclassical psychology. *Lichnost v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeiatel'nosti*, 2013, (3): 120–124. (In Russ.)
11. Grishina N. V. Existential optimism and existential pessimism. The choice is ours. *14th St. Petersburg Summit of Psychologists*, St. Petersburg, 31 May –3 Jun 2020. Available at: <https://psy.su/feed/8315/> (accessed 26 May 2021). (In Russ.)
12. Tsaritsentseva O. P., Elfimova M. M. Coping with the reality situation during the COVID-19 pandemic in the context of individual resilience. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 191–201. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201
13. Tkhostov A. Sh., Rasskazova E. I. Psychological contents of anxiety and the prevention in an infodemic situation: protection against coronavirus or the "vicious circle" of anxiety? *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2020, 28(2): 70–89. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpp.2020280204
14. Enikolopov S. N., Boyko O. M., Medvedeva T. I., Vorontsova O. U., Kazmina O. U. Dynamics of psychological reactions at the start of the pandemic of COVID-19. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*, 2020, 12(2): 108–126. (In Russ.) DOI: 10.17759/psyedu.2020120207
15. Kudinov S. I., Kudinov S. S., Kudinov V. S. Attitudes to lockdown in students with different indicators of responsibility and value orientations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 174–182. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182
16. Penzina A. How COVID-19 is changing the image of the future. *V mire nauki*, 2020, (4-5): 24–31. (In Russ.)
17. Kupina N. A. Coronavirus pandemic: metaphorical diagnosis of anxious reality in the media texts. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 2020, 26(3): 5–13. (In Russ.) DOI: 10.15826/izv1.2020.26.3.044
18. Loginova I. O. Features of human life-world stability during the pandemic period related to COVID-19. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2020, (2): 183–196. (In Russ.) DOI: 10.25146/1995-0861-2020-52-2-211
19. Fedosenko E. V. Life after the quarantine: psychology of sense and coronavirus COVID-19. *Psychological problems of the meaning of life and Acme: Proc. XXIV Intern. Symposium*, Moscow, 15–16 Apr 2020. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO, 2020, 34–47. (In Russ.) DOI: 10.24411/9999-042A-2020-00040

20. Balabashchuk R. O., Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Maslova O. V., Miklyaeva A. V., Tereshchenko V. V., Filenko I. A., Sanzhaeva R. D., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V. Transformation of space-temporal and value-semantic components of the image of the world during the university studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 714–726. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-714-726
21. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Identity as a dynamic hierarchical system: social and cultural context of formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 131–140. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140
22. Nestik T. A. *Attitude to time in small groups and organizations*. Moscow: IP RAN, 2011, 293. (In Russ.)
23. Vasserman L. I., Trifonova E. A., Chervinskaya K. R. *Semantic differential of time: expert psychodiagnostic system in medical psychology*. St. Petersburg: NIPNI im. V. M. Bekhtereva, 2009, 43. (In Russ.)
24. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. *Diagnostics of the level of development of the value-semantic sphere of the individual*. Novokuznetsk: MAOU IPK, 2010, 102. (In Russ.)
25. Lukyanov O. V. The factor in the system of psychological interpretations. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2010, 7(2): 46–63. (In Russ.)
26. Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
27. Kolpachnikov V. V. Personalized meaning of extreme conditions as coping determinant. *Personality in extreme conditions: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. Petropavlovsk-Kamchatsky: KamGU im. Vitusa Beringa*, 2012, 2012, pt. 2, 74–83. (In Russ.)
28. Seryy A. V., Karas D. V. The tension degree of psychological defense mechanisms in depend on actual meaning state type. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 2007, (25): 29–34. (In Russ.)
29. Leontiev D. A. Human being and lifeworld: from ontology to phenomenology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2019, 15(1): 25–34. (In Russ.) DOI: 10.17759/chp.2019150103